

Об онтологических основаниях процессуальной логики

В.А. Конев

Статья продолжает обсуждение проблем, высказанных А.В. Смирновым в статье «Процессуальная логика и ее обоснование». Оставляя в стороне чисто формальные логические проблемы, поднятые А.В. Смирновым, автор обращается к выяснению онтологических оснований процессуальной логики.

В статье отмечается, что отсутствие общей посылки в Силлогизме 1, введенном А.В. Смирновым в качестве формы аподиктического доказательства, свойственной процессуальной логике, указывает на то, что Силлогизм 1 оформляет высказывания о таких действиях, начало которых укоренено в конкретной ситуации, а не выводится из уже известных общих понятий. Если традиционная логика (по определению А.В. Смирнова, логика субстанциальная) в качестве онтологического базиса имеет онтологию родовидовых отношений, то онтологическим основанием процессуальной логики, как утверждает в статье, является онтология конкретного бытия (*haecceitas* – Дунс Скот). Автор выделяет в онтологии конкретного две области – область культуры и область ситуации. И для познания/освоения культурного феномена, и для познания/освоения объекта конкретной ситуации важно активное отношение, действие с данными феноменами и объектами, важен реальный опыт.

Вывод. Онтологической основой процессуальной логики является бытийная природа не возможного (позиция И. Канта), а реального опыта, свершающегося всегда в конкретных ситуациях, связи и отношения в которых требуют осмысления *Этого* состояния *здесь-и-сейчас*. Мышление об *Этом в ситуации здесь-и-сейчас* нуждается в особых средствах схватывания динамических, временем освященных действий/процессов, на что традиционная логика мышления не способна и на что нацелена логика процессов. Поскольку для культуры важны именно действия/процедуры, то принятие индивидом решения должно строиться на таких умозаключениях, которые выстраивают отношения действий/процедур в конкретных ситуациях, а не отношения неких субстанциальных образований (родовидовых отношений). Процессуальная логика в отличие от субстанциальной логики способна показать формирование смысла, это логика смысла, которая благодаря Ж. Делёзу и А.В. Смирнову заявляет свои права на существование.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А.В. Смирнов, Делёз, логика смысла, процессуальная логика, реальный опыт, ситуация, культура

КОНЕВ Владимир Александрович – Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Самарский университет), Самара, 443086, Московское ш., д. 34.

Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского университета.

vakonev37@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30 января 2019 г.

Цитирование: Конев В.А. Об онтологических основаниях процессуальной логики // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 17–26.

Подключаясь к обсуждению идеи академика РАН А.В. Смирнова о существовании процессуальной логики, которая была выдвинута в статье «Процессуальная логика и ее обоснование» [Смирнов 2019^а], я хотел бы еще раз обратить внимание на те две проблемы, которые здесь возникают и которые обсуждались его оппонентами. Во-первых, могут ли люди мыслить по-разному, есть ли разные мыслительные способы получения истинного результата. Во-вторых, если такие разные типы мышления существуют, то чем это обусловлено и может ли каждый такой тип мышления основываться на собственной логике.

Обратим внимание на два таких факта. Вот русский художник Василий Суриков задумал картину «Боярыня Морозова». Собран материал, живы воспоминания о рассказе крестной художника О.М. Дурандиной о боярыне Морозовой и раскольниках, сделано множество этюдов к картине, продуманы персонажи, ясен и образ героини — все детали готовы. Но нет картины, нет композиции, нет цельности, а значит, нет и выраженной мысли. Вдруг однажды художник видит ворону, которая бьет черным крылом по снегу. И картина сразу сложилась — вот она, боярыня Морозова, в черной шубе вскинула руку с двуперстием, а вся московская заснеженная улица с ее обывателями замкнулась на ней.

Какую роль эта ворона на снегу сыграла в мыслительном поиске художника? А ту, что благодаря этому зрительному образу художник *пришел к определенному умозаключению* — как выстроить композицию картины. Об этом свидетельствует сам автор картины.

Скажут — это особенность художественного мышления. Но вспомним историю «яблока Ньютона», которую в воспоминаниях рассказывает биограф Ньютона Уильям Стьюкли, возможно, слышавший эту историю от него самого. Конечно, не созерцание падающего яблока дало миру формулировку закона природы, а исследования в области математики, механики, астрономии привели Ньютона, в конце концов, к созданию «Математических начал натуральной философии». Но не исключено, что созерцание падения яблока стало той «наночастицей», которая вдруг изменила конфигурацию уже наличного знания, и тогда *сложилось нужное умозаключение*. И подобных примеров из истории науки, искусства и других видов деятельности можно найти немало.

О чем говорят подобные примеры? О том, что есть разные состояния работы мысли в процессе решения задач, стоящих перед человеком. Есть мышление, скажем так, систематическое, которое основано на переборе уже известных фактов, или на сборе новых фактов, но уже известными методами. А есть инсайт, внезапное озарение сознания уже готовой мыслью. Здесь и там — одно и то же мышление, один и тот же тип мышления, который подчиняется одной и той же логике? Вряд ли. И эти два типа мышления живут в одной и той же культуре всегда и даже в одном и том человеке.

Спрашивается: а при чем здесь логика процессуальная и логика субстанциальная, о которых говорит А.В. Смирнов? Вот что интересно. Озарение всегда связано с конкретным событием — «ворона на снегу», «падающее яблоко», место и время, когда нужная тебе мысль появилась (например, Ницше указывает точную дату и место, когда ему в голову пришла идея вечного возвращения). Не говорит ли это о том, что *cogito* генерирует новую мысль тогда, когда человек оказывается интегрирован в конкретную ситуацию, и тогда случается «я мыслью», то есть я становлюсь *автором* мысли, если отдаю эту конкретную ситуации полностью, включая в нее все свои знания и умения. Это мышление в ситуации (ситуативное мышление) началом имеет не некое утверждение самого мышления, а установление соответствия наших действий и мыслей с данной ситуацией и теми процессами, которые в ней представлены. На нечто подобное указывал Хайдеггер, говоря, что учиться мыслить «означает приводить наши дела и поступки в соответствие с тем, что приносит нам каждая встреча с существенным» [Хайдеггер 2007, 39]. Не является ли П-силлогизм А.В. Смирнова [Смирнов 2019^а] формальным закреплением в логике *cogito* этого способа «учиться мыслить»?

Силлогизм I (П-силлогизм) не имеет общей посылки. Почему? Не потому ли, что началом мысли здесь выступает сама наличная ситуация: «Андрею нравится белле-18

тристика», «ковш греет воду», — то, что может быть реально констатировано? Именно это дает основание оппонентам А.В. Смирнова утверждать, что Силлогизм 1 является, по сути, выводом по аналогии, а не аподиктическим заключением. Но думаю, что оппоненты упускают один очень важный момент, а именно — укорененность данного силлогизма в *онтологии* конкретного, в которой этот силлогизм и черпает свою аподиктичность. Ведь и категорический Силлогизм 2 (по А.В. Смирнову) «Все люди смертны, Сократ — человек, следовательно, Сократ смертен» также укоренен в *онтологии*, которая представлена кругами Эйлера — онтологии родовидовых отношений, которая и обеспечивает его аподиктичность.

Выделю в онтологии конкретного две области — область культуры и область события. Можно ли увидеть в структуре этих онтологических областей такое же основание Силлогизма 1, как видят основание Силлогизма 2 в структуре кругов Эйлера, выражающих то понимание бытия, что утвердилось и развивалось со времен Парменида, Платона, Аристотеля?

Критерием наличия особого культурного бытия, по В.С. Библеру, выступает диалог¹, поэтому любой значимый феномен (а культурное бытие это бытие значимое) всегда открывает/приобретает свое значение только через отнесение себя к чему-то иному. Поэтому исходной культурной ситуацией следует признать ситуацию «Делай, как я» (или любую ситуацию демонстрации, предъявления конкретного действия или предмета), через которую индивиды входят в культуру. Ситуация «Делай как я» вносит изменение в *cogito* индивидов, продуцируя новые для них знания/смыслы. Это изменение происходит в результате взаимоотношения тех действий, которые представлены в данной конкретной ситуации. А в ней изначально сопряжены четыре действия: Субъект А (тот, кто демонстрирует) совершает действие *производства чего-то* и одновременно Субъект А совершает действие *демонстрации* этого *производства чего-то* другому Субъекту Б, который в свою очередь *подражает* действию Субъекта А и тем самым совершает действие *производства чего-то*, таким образом подтверждая это *нечто* как значимый для них факт действительности.

Если воспользоваться терминологией А.В. Смирнова, заменив термин «действие» на термин «процесс», то получим два процесса: P^1 — *производство чего-то* (какого-то феномена), P^2/P^{-2} — *акт демонстрации*, который амбивалентен, так как включает в себя одновременно показ/подражание (и в какой-то мере подражание можно интерпретировать как показ того, как ты воспроизводишь показанное). Тогда эту ситуацию универсальной культурной ситуации можно выразить структурой Силлогизма 1, представленного А.В. Смирновым:

А создает Предмет

Потому, и только потому, что Предмет демонстрирует Культуру

Также Б подражает/демонстрирует Культуру

Тогда А создает Б

$A \Rightarrow P^1 \Rightarrow Pr$

Потому, и только потому, что $Pr \Rightarrow P^2 \Rightarrow K$

Также $B \Rightarrow P^{-2} \Rightarrow K$

Тогда $A \Rightarrow P^1 \Rightarrow B$

Появление нового состояния *cogito* у Субъекта А выражается в том, что он осознает себя представителем *должного*, теперь он наставник, учитель, а в *cogito* Субъекта Б входит представление о принадлежности к сообществу, появляется знание «МЫ». Оба эти состояния *cogito* истинны, так как в данной ситуации указывают на действительное состояние субъектов (так есть в культурной реальности!).

Поскольку для культуры важны именно действия/процедуры, то принятие индивидом решения должно строиться на таких умозаключениях, которые выстраивают отношения действий/процедур конкретных ситуаций, а не отношения неких субстанциальных образований. Именно на это указывает герой романа Л.Н. Толстого Константин Левин, когда он на вопрос своего двоюродного брата Кознышева — а убил бы ты пьяных насильников, которые бьют женщину или ребенка? — ответил: «Я не знаю. Если бы я увидел это, я бы отдался своему чувству непосредственному;

но вперед сказать я не могу». Мораль (и культура) есть там, где свершается действия не потому, что человек что-то знал по типу Силлогизма 2, в нумерации А.В. Смирнова, а потому, что принимается решение – вот такое действие должно быть утверждено в этой ситуации. Чем вызвано это решение? Оно может быть вызвано двумя обстоятельствами: «Пусть будет так» или «Потому, что это хорошо». Эти два типа принятия решения можно назвать «Действием Бога» и «Действием Евы». Они представлены в Книге Бытия «Библии».

Вспомним, как действует Бог. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт 1: 3–5). Здесь действие строится по схеме: Акт – Результат – Оценка – Именование. Как действует Ева. «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела, и дала мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт 3: 6–7). Здесь действие строится по схеме: Оценка – Акт – Результат (совпадение/ несовпадение с оценкой).

Кардинальное отличие этих типов действия друг от друга в том, какую позицию в них занимает оценка (ценность). В первом случае она появляется после действия, она – результат действия. Во втором случае она предшествует действию и является его обоснованием, хотя и не гарантирует достижения этим действием данной ценности. «Да будет!» – это действие начала, начала как абсолютного начала, которое не выводится из чего-то вне этого истока находящегося. Его нельзя включить в какой-то круг Эйлера, оно само создает этот «круг», но этот круг – это кольцо Мёбиуса. В случае с Богом – почему он создает свет? А потому, что, как скажут богословы, сам Бог есть свет (или свет/тьма, по Дионисию Ареопагиту), и он наделяет своим качеством творимый мир (это его благое даяние миру). И такой ответ правомерен по отношению к любому творцу. Почему Моцарт сочинил эту музыку? А потому, что

... Намедни ночью

Бессонница моя меня томила,

И в голову пришли мне две, три мысли,

Сегодня их я набросал.

Где начало творчества Пушкина? В.Г. Белинский в «Статьях о Пушкине» увидел его в творчестве всех пушкинских предшественников. Оно там? Да, конечно. Но представьте себе, что Пушкина нет, а есть творчество Державина, Жуковского, Батюшкова, Гнедича и других его предшественников. Можно ли «вычислить», «вывести», «умозаключить» из них Пушкина? Вот и получается, что в культуре совершаются такие умозаключения (Моцартом, Пушкиным, Гегелем, Ницше и т.д.), где имеется множество посылок типа

$A \Rightarrow P^1 \Rightarrow Pr$

Потому, и только потому, что $Pr \Rightarrow P^2 \Rightarrow K$,

а некое отклонение в P^2 приходит в голову кому-то одному. Это и называется «Идеи носятся в воздухе». Вряд ли это вывод по аналогии, как представляют оппоненты А.В. Смирнова, этот вывод – следствие, результат включения в жизнь конкретной ситуации, выражение ее в таком состоянии сознания, которое открывает Истину данной действительности. Подобный вывод, повторю, нельзя изобразить кругами Эйлера, а представить его кольцом ленты Мёбиуса можно, если на одной стороне ленты написать, например, «Творчество всех предшественников Пушкина», а на другой «Творчество Пушкина», и свернуть ленту в кольцо Мёбиуса, тогда переход от «творчества предшественников» к «творчеству Пушкина» будет абсолютно закономерен, но где он совершается, этого сказать будет нельзя. И, что важно, это не тождество двух сторон, так как лента Мёбиуса односторонняя поверхность, и не аналогия, так как они неразличимы.

В случае «Действия Евы» мы имеем действие на основе вывода по Силлогизму 2: «Съесть плод = получить знание добра и зла – Получить знание добра и зла = приобщиться к благу («будете как Боги») – Съесть плод = приобщиться к благу»

(или: «Познание — благо, плод дает познание, следовательно, его нужно съесть, чтобы получить знание»). С точки зрения приобретения знания через вкушение плода — да, Ева и Адам знание получили, они *узнали*, что наги. Силлогизм 2 сработал. Но с точки зрения ценностного содержания их действий они проиграли: знание, которое они получили, *имеет не тот смысл*, который они предполагали. Здесь мы обнаруживаем одно из важнейших различий, существующих в культуре — различие знания/значения и смысла. И тогда можно сделать вывод, что П-логика в отличие от С-логики способна показать формирование смысла, это логика смысла, которая благодаря Ж. Делёзу и А.В. Смирнову заявляет права на существование. См: [Конев 2016; Конев 2017]. «Действие Евы» демонстрирует, что понятия ценности в отличие от понятий сущего (как различал их Г. Риккерт) не раскрывают свой действительный смысл в С-логике, которая оперирует только понятиями сущего. Сущность ценностей — в их значимости, а не в их фактичности, как справедливо отмечает Г. Риккерт [Риккерт 1911, 128], поэтому понимание ценностей (когнитивное их схватывание) вряд ли будет опираться на принципы С-логики. Конечно, с ценностями можно оперировать в С-логике: можно классифицировать ценности, раскрывать содержание понятий красоты или добра и т.д. Но знание содержания понятия ценности не будет гарантией усмотрения ценностей в действительности или их реализации в поступках, что демонстрирует действие по модели Евы. Смысл ценности раскрывается только в конкретной ситуации, поэтому *смысл* ценности должно истолковать как *истину* ценности (шире: смысл есть истина значения), то есть как она (ценность) действительно реализуется в *этой* значимой ситуации. В этом случае истина есть характеристика определенного реального состояния, в русском языке это получает наименование — *правда* данного обстоятельства дела. А именно это и выражает вывод Силлогизма 1. На это и указывают отмеченные А.В. Смирновым П-софизмы, которые возникают, если нарушается связь с конкретностью того или иного высказывания, входящего в Силлогизм 1 [Смирнов 2019⁶].

Хорошо, скажут оппоненты А.В. Смирнова: возможно, коль скоро связи и отношения культурного бытия держатся на поступках/процессах, П-логика, если ее разработать, даст возможность человеку более осознанно строить свое поведение в мире культуры и социальности. Но какой она будет иметь смысл при рассуждении о природном мире, для науки вообще, которая имеет дело с устойчивым и устоявшимся бытием, в котором порядок держится на родовидовых отношениях и отношениях множеств? Именно эта установка, как представляется, лежит в основе хорошо выстроенных возражений И.Ф. Михайлова [Михайлов 2019]. Однако и в мире природном можно увидеть отношения, реализующие иные онтологические связи. Возьмем предельный случай — момент абсолютного начала, момент «Большого взрыва», момент космологической сингулярности. Состояние и изменения такой сингулярности не повторяют что-то, а порождают нечто, и с этим должно считаться последующее возникающее состояние. О подобной онтологической ситуации, насколько я понимаю, говорит и синергетика. Действие/воздействие аттрактора на вновь создаваемое состояние разве не может служить онтологическим оправданием связи посылок Силлогизма 1 П-логики?

А если перенести онтологическую структуру этих предельных ситуаций на обычные ситуации? Вот, какая-то определенная лужайка в лесу, где всё уложено в некую сингулярность — это со-бытие/событие всех сущих в этом месте и в это время. И всякое сущее, появившись в *этом* окружении, меняет ситуацию — теперь всё должно считаться с его наличием: камень упал на поляну, и теперь трава будет расти с учетом его наличия, ручеек потечет, огибая его, птица сошьет гнездо около него и т.д. В сущности каждое сущее выступает своеобразным аттрактором, всякое сущее «заявляет» о себе, и это «заявление» становится основанием его бытия, оно теперь есть, а потому теперь будут происходить такие-то и такие-то процессы с учетом *этого* сущего. И здесь важно, что такое «заявление» и «привлечение» к себе (вспомним: аттрактор — от лат. *attrahere* — «тянуть к себе», «тащить», «привлекать») производит данное сущее не столько как представитель рода, сколько как конкретное сущее

данной ситуации, то есть как *haecceitas* Дунса Скота. А потому познание такого рода ситуаций требует и особого взгляда и особой логики рассуждения, которая могла бы оперировать понятиями конкретного и понятием действующего. И.Ф. Михайлов как один из самых активных оппонентов А.В. Смирнова, хотя и сослался на свою статью «К общей онтологии когнитивных и социальных наук», но, вероятно, забыл, что пафос этой прекрасной статьи ближе к позиции его оппонента, чем к той позиции, которую он защищает. И.Ф. Михайлов пишет: «Подлинные индивиды как они есть, без определений (*Haecceitas* и есть эти подлинные индивиды. — В.К.), соотносятся друг с другом только на том основании, что они различны, иначе говоря, множественны. Таким образом, подлинные онтологические индивиды как таковые не образуют иерархий, поскольку последние предполагают именно различия в соизмеримых признаках. *Возможные отношения между простыми элементами могут быть только сетевыми, т. е. связывающими индивида с индивидом, а не с видом, родом, типом, классом и т. п.*» [Михайлов 2017, 108] (Курсив мой. — В.К.). Вот эти сетевые отношения и представляют онтологию ситуаций, то есть картину такой действительности, где различные конкретности образуют единство, требующее, чтобы с ним обращались как с целостностью, а не как с теми или иными составляющими этой целостности. Конечно, господствующая С-логика, не знающая «участного мышления» [Бахтин 1986, 87], может ориентировать мышление и действие в ситуации по своим правилам, но тогда разрушается целостность, разрушается ситуация (сетевые отношения), а в действительности это может приводить к катастрофическим последствиям — достаточно вспомнить то, что произошло с Аральским морем.

Говоря о различии², Ж. Делёз отмечает принципиально значимую онтологическую характеристику различия — «различию присуще собственное критическое испытание», которое выражается в том, что различие существует как объект утверждения, как само утверждение [Делёз 1998, 71, 74]. Мир различия требует от человека не возможного опыта, а опыта реального, свершающегося, условием которого, согласно Делёзу, становятся не понятия представления (понятия родов и видов), а некие «пространственно-временные комплексы», которые заставляют увидеть сущность любой ситуации как объекта действия, а не как объекта узнавания [Делёз 1998, 342]. Поскольку реальный, а не возможный опыт, всегда включает процессы/действия, постольку логика процессов оказывается органична для такого типа опыта. И пространственно-временные комплексы вполне можно представить как первую посылку П-силлогизма, предельяющую исходную модель действующего и открывающую сущностные стороны реальной ситуации действия.

Если признать, что процессуальная логика улавливает связи, которые свойственны реальному опыту и реальной ситуации, тогда возражения оппонентов А.В. Смирнова, которые основаны на логике возможного опыта, оказываются недостаточными. Конечно, в реальном опыте находят реализацию и установки опыта возможного, но их всегда недостаточно для того, чтобы объяснить все нюансы опыта конкретного. И это хорошо видно по возражениям В.В. Васильева, когда, разбирая формулу «*потому, и только потому, что*», он утверждает, что эта формула «*не выражает*» достаточного условия упомянутых (в Силлогизме 1 — В.К.) процессов: проведение водой тепла точно не является достаточным условием нагревания воды ковшем на плите, а притягивание магнитным полюсом стрелки — достаточным условием указывания стрелки на магнитный полюс; вода не нагревалась бы, если бы к упомянутому условию не добавлялась теплопроводность ковша и т.д., а стрелка компаса обычно не указывала бы на магнитный полюс, если бы она, в частности, не вращалась вокруг своей оси» [Васильев 2019, 24] (Курсив Васильева. — В.К.). Но для реального опыта стрелка компаса уже есть то, что вращается, а для того, чтобы греть воду на огне, обязательно должен быть сосуд, то есть все факторы, необходимо входящие в достаточные основания, уже учтены реальным опытом. И сам В.В. Васильев, обсуждая формулу «*потому, и только потому, что*», которая, действительно является ключевой для вводимого А.В. Смирновым Силлогизма I, справедливо отмечает, что «...достаточные условия *реальных* процессов, с которыми, по А.В. Смирнову, работает

Силлогизм 1, обычно многообразны и с трудом поддаются перечислению» [Там же] (Курсив мой. — В.К.). Но если процессуальная логика направляет мысль человека в ситуации реального опыта, то «*потому, и только потому, что*» указывает на эту действительную ситуацию, очевидность которой и гарантирует аподиктическую силу тех выводов, которые будут делаться на ее основе.

Своей статьей академик РАН А.В. Смирнов заявляет о существовании особой процессуальной логики, демонстрируя только некий ее исходный силлогизм. Толчком для выдвижения идеи такой логики послужили его основательные историко-философские штудии по классической арабской философии и культуре, представленные многочисленными работами, см.: [Смирнов 2001; Смирнов 2015], которые показывают, что в классической арабской культуре реально действуют отличные от европейской культуры процедуры осмысления действительности³. Однако о правомочности существования процессуальной логики свидетельствует не только классическая мусульманская культура или уровень культурного развития отдельных слоев населения [Солондаев 2019]. Правомочность П-логики укоренена в особой онтологии, которую она выражает. Онтологическим основанием процессуальной логики выступает бытийная природа не возможного, а реального опыта, который свершается всегда в конкретных ситуациях, связи и отношения в которых требуют осмысления *этого* состояния *здесь-и-сейчас*. Мышление об *этом в ситуации здесь-и-сейчас* нуждается в средствах схватывания динамических, временем освященных действий/процессов, на что традиционная логика мышления не способна и на что нацелена логика процессов. На это указывали и оппоненты А.В. Смирнова — академик РАН В.А. Лекторский [Лекторский 2019] и руководитель сектора логики ИФ РАН В.И. Шалак [Шалак 2019], хотя они в целом и не выражали согласия с утверждениями А.В. Смирнова. Динамичность мира требует иного мышления, мышления процессуального, а не субстанциального (в терминологии А.В. Смирнова).

Конечно, идея П-логики и выдвижение в качестве ее исходного тезиса особой формы Силлогизма 1 еще не являются созданием самой логики процессов. Это, скорее, начало работы, которая потребует усилий не только логиков, увлеченных формализмами, но представителей различных наук о культуре, сознании и познании.

Примечания

¹ Первое определение, в котором культура сама себя определяет, то есть становится для себя существующей, гласит: «Культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных — прошлых, настоящих и будущих — культур, форма диалога и взаимодействия этих культур (каждая из которых есть... См. начало определения» [Библер 1991, 289]. То есть обнаруживается бытие культуры только в отношении к другой культуре, если бы какое-то сообщество не имело никаких контактов с другим сообществом, то в сознании данного сообщества не было бы представления о специфике его бытия.

² Здесь хотел бы заметить, что вряд ли правомерно говорить о том, что «подлинны индивиды», которые существуют как различие, составляют множество. Множество строится на тождестве, а не на различии, поэтому там, где бытие конституируется различием, перестает действовать онтология, основанная на множестве. Не случайно Ж. Делёз, который начал первым осмыслять различие как самостоятельную философскую категорию, говорит вслед за Дунсом Скотом о единогосии бытия [Делёз 1998, 53–55, 393], что специально отмечает и Бадью в говорящем названии книги «Делёз. Шум бытия» [Бадью 2004].

³ Хотел бы обратить внимание на то, что академик Ф.И. Щербатской указывал на своеобразие понимания логики мышления в культуре Древней Индии. Он пишет: «Силлогизм в системе пятичленен. Он является дедуктивным шагом от одного частного случая к другому частному случаю... Силлогизм состоит из пяти членов, потому что он является индуктивно-дедуктивным. Его членами выступают тезис, основание, пример (включающий большую посылку), применение (равное малой посылке) и вывод (равный тезису). Например:

1. Тезис: На горе огонь.

2. Основание: Потому что она дымится.

3. Пример: Как на кухне; везде, где дым, там также и огонь.

4. Применение: Гора дымится.

5. Вывод: На горе огонь» [Щербатской 1988, 79].

Анализируя трактаты, посвященные логике древнеиндийских мыслителей, Ф.И. Щербатской отмечает, что согласно их утверждениям «...в каждом умозаключении непременно должен содержаться единичный субстрат общего представления; как единичный, он в то же время является элементом реальности» [Щербатской 1995, 222–223]. Характеризуя особенности строения силлогизма в буддийской логике, ученый заключает: «Таким образом, умозаключение есть прежде всего особое представление, которое возникает в нашем уме при известных условиях. Вот первое и коренное отличие буддийского взгляда на умозаключение. Оно не есть суждение в нашем смысле и не определяется как комбинация суждений, вытекающих одно из другого, оно есть прежде всего сложное представление» [Щербатской 1995, 219]. Правда, сам Ф.И. Щербатской постоянно подчеркивает: существующие различия не мешают утверждать, что между буддийской логикой и логикой аристотелевского типа нет принципиальных различий, и, переводя на русский язык трактаты древнеиндийской логики, выбирает метаязык европейской логики, что несет с собой как «достоинства, так и недостатки подобных переводов», как замечает В.П. Топоров в обширных комментариях к книге [Щербатской 1988, 296–297].

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* К философии поступка. Публикация и вступительная статья С.Г. Бочарова, примечания С.С. Аверинцева // Философия и социология науки и техники. Ежегодник: 1984–1985. М.: Наука, 1986. С.80–160 (Bakhtin, Mikhail M., *To Philosophy of the Act*, in Russian).

Библер 1991 – *Библер В.С.* От наукоучения к логике культуры. М.: Издательство политической литературы, 1991 (Bibler, Vladimir S., *From Science of Knowledge to the Logic of Culture*, in Russian).

Делёз 1998 – *Делёз Ж.* Различие и повторение. Перевод с французского Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998 (Deleuze, Giles, *Différence et Répétition*, Russian Translation).

Риккерт 1911 – *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911 (Rickert, Heinrich, *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft*, Russian Translation).

Щербатской 1988 – *Щербатской Ф.И.* Избранные труды по буддизму. М: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1988 (Stcherbatsky, Theodor, *Selected Works*, in Russian).

Щербатской 1995 – *Щербатской Ф.И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Часть II. Источники и пределы познания. СПб.: Аста-пресс LTD, 1995 (Stcherbatsky, Theodor, *Theory of Knowledge and Logic According to the Teachings of Later Buddhists*, in Russian).

Хайдеггер 2007 – *Хайдеггер М.* Что зовется мышлением? Перевод с немецкого Э. Сагетдинова. М.: Академический Проект, 2007 (Heidegger, Martin, *Was heist denken?*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Бадью 2004 – *Бадью А.* Делез. Шум бытия. Перевод с французского Д. Скопина. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; Логос-Альтера, 2004.

Васильев 2019 – *Васильев В.В.* Арабский силлогизм и единство разума: о статье А. В. Смирнова // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 22–26.

Конев 2016 – *Конев В.А.* Две концепции логики смысла: Жиль Делёз и Андрей Смирнов. Часть первая // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 37–47.

Конев 2017 – *Конев В.А.* Две концепции логики смысла: Жиль Делёз и Андрей Смирнов. Часть вторая // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 80–88.

Лекторский 2019 – *Лекторский В.И.* Комментарий к статье А.В. Смирнова «Процессуальная логика и её обоснование» // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 18–21.

Михайлов 2017 – *Михайлов И.Ф.* К общей онтологии когнитивных и социальных наук // Философия науки и техники. № 2 (2017). С. 103–119.

Михайлов 2019 – *Михайлов И.Ф.* Могут ли люди мыслить по-разному // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 27–34.

Солондаев 2019 – *Солондаев В.К.* Психологические аспекты процессуальной логики // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 41–47.

Смирнов 2001 – *Смирнов А.В.* Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Смирнов 2015 – *Смирнов А.В.* Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Смирнов 2019^а – *Смирнов В.А.* Процессуальная логика и ее обоснование // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 5–17.

Смирнов 2019^б – *Смирнов В.А.* Мыслить значит разворачивать связность // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 48–60.

Шалак 2019 – *Шалак В.И.* О процессуальной логике // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 35–40.

On the Ontological Foundations of Process-Based Logic

Vladimir A. Konev

The article continues the discussion of the problems expressed by A.V. Smirnov in the article "Procedural logic and its justification". The author refers to the clarification of the ontological foundations of procedural logic, not touching on purely formal logical problems.

The article notes that the lack of a common premise in Syllogism 1, introduced by A.V. Smirnov as a form of apodictic proof characteristic of procedural logic, indicates that Syllogism 1 draws up statements about such actions, the beginning of which is rooted in a particular situation, and is not derived from already known general concepts. If traditional logic has an ontology of genus-species relations as its ontological basis, then the ontological basis of procedural logic, as stated in the article, is the ontology of a particular being (*haecceitas* – Duns Scot). The author identifies in the ontology of a specific two regions - the region of culture and the region of the situation. Both for the cognition/mastering of the cultural phenomenon, and for the cognition/mastering of the object of a particular situation an active attitude, action with these phenomena and objects real experience is important.

Conclusion. The ontological basis of procedural logic is the existential nature of the not possible (I. Kant's position), but real experience, which always takes place in specific situations, connections and relationships in which require an understanding of *This State Here-and-Now*. Thinking about *It in the here-and-now* in need of special means of understanding the dynamic, time-honored activities/processes on the traditional logic of thinking is not able to and what processes the logic aim. Since it is the actions/procedures that are important for the culture, the decision making by the individual should be based on such conclusions, which build the relations of actions/procedures in specific situations, and not the relations of some substantial formations (genus-species relations). Process logic, unlike traditional logic, is capable of showing the formation of sense, it is the logic of sense, which thanks to G. Deleuze and A.V. Smirnov claims his right to exist.

KEY WORDS: A.V. Smirnov, G. Deleuze, logic of sense, procedural logic, real experience, situation, culture

KONEV Vladimir A. – Samara University, 34, Moskovskoe sh., Samara, 443086, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor, Department Head, Department of Philosophy for Humanities, Samara University.

vakonev37@mail.ru

Received on January 30, 2019.

Citation: Konev, Vladimir A. (2019) "On the Ontological Foundations of Procedural Logic", *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2019), pp. 17–26 (In Russian).

DOI: 10.31857/S004287440005333-1

References

- Badiou, Alain (2004) *Deleuze: "La Clameur de l'Être"*, Hachette, Paris (Russian Translation 2004).
- Konev, Vladimir A. (2016) "Two Concepts of the Logic of Sense: Gilles Deleuze and Andrey Smirnov (The First Part)", *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2016), pp. 37–47 (In Russian).
- Konev, Vladimir A. (2017) "Two Concepts of the Logic of Sense: Gilles Deleuze and Andrey Smirnov (The Second Part)", *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2017), pp. 80–88 (In Russian).
- Lektorsky, Vladislav A. (2019) 'Commentary to the Article "Is a Process-Based Logic Possible?"', *Voprosy Filosofii*. Vol. 2 (2019), pp. 18–21 (In Russian).

- Mikhailov, Igor F. (2017) "Towards the Shared Ontology of Cognitive and Social Sciences", *Philosophy of Science and Technology*, 2017, vol. 22, No 2, pp. 103–119 (In Russian).
- Mikhailov, Igor F. (2019) "Can People Think Differently?", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 27–34 (In Russian).
- Solondaev, Vladimir K. (2019) "Psychological Aspects of the Logic of Process", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 41–47 (In Russian).
- Smirnov, Andrey V. (2001) *Logic of Sense. Theory and Its Application in the Analysis of Classical Arabic Philosophy and Culture*. M.: Jazyki slav'anskoj kultury, 2001 (In Russian).
- Smirnov, Andrey V. (2015) *Mind. Logics. Language. Culture. Sence*. M.: Languages of Slavic culture. 2015. (In Russian).
- Smirnov, Andrey V. (2019) "Is a process-based logic possible?", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 5–17 (In Russian).
- Smirnov, Andrey V. (2019) "Mind is a Capacity to Develop an Epistemic Chain", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 48–60. (in Russian).
- Shalack, Vladimir I. (2019) "The logic of the Processes", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 35–40. (In Russian).
- Vasilyev, Vadim V. (2019) "Arabic Syllogism and Unity of Reason: Remarks on Andrey V. Smirov's Paper", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 22–26. (In Russian).